

Волин Р.

**«ЧЕРНЫЕ ТЕТРАДИ» ХАЙДЕГГЕРА.
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ, МИРОВОЕ ЕВРЕЙСТВО
И ИСТОРИЯ БЫТИЯ // Новейшая история: Ежеквартальник. –
Мюнхен; Ольденбург, 2015. – № 3. – С. 379–410.**

Wolin R.

**HEIDEGGERS «SCHWARZE HEFTE».
NATIONALSOZIALISMUS, WELTJUDENTUM
UND SEINSGESCHICHTE // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte
(VfZ). – München; Oldenburg, 2015. – N 3. – S. 379–410.**

Ключевые слова: М. Хайдеггер; «Черные тетради»; немецкая философия; национал-социализм; еврейство; дискуссия о «Черных тетрадах».

Статья американского исследователя, профессора Нью-Йоркского университета Ричарда Волина – одна из первых в ряду тех многочисленных реакций на публикацию «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, где на первый план выступают исключительно вопросы отношения Хайдеггера к евреям и в связи с этим – переоценки его философского наследия. Она во многом задала тон последующих, аналогичных реакций и публикаций и именно этим и интересна.

В первой части «Дебаты о Хайдеггере» автор дает обзор критических дебатов о национал-социалистическом прошлом Хайдеггера, возобновившихся в последнее десятилетие в контексте меняющегося отношения к философии Хайдеггера. Истоки этих дебатов лежат в давней (1946) публикации Карла Лёвича

(бывшего докторантом Хайдеггера) в издававшемся Сартром журнале «Современные времена». Его положения актуальны и поныне, полагает Волин. Он также указывает на исследование Кристиана графа фон Крокова «Решение. Исследование о Эрнсте Юнгере, Карле Шмитте и Мартине Хайдеггере» от 1958 г., интересное, по мнению автора, указанием на «консервативно-революционный габитус» этих трех исследователей (с. 379), отвергавших обанкротившуюся в Первой мировой войне буржуазную мораль ради воинствующего реализма. Следующая веха, по мнению автора, – исследование Пьера Бордые «Политическая онтология Мартина Хайдеггера» (1975). Однако по-настоящему, полагает автор, дебаты о национал-социалистическом прошлом Хайдеггера развернулись лишь с выходом книги чилийского исследователя Виктора Фариа «Хайдеггер и национал-социализм» (1987). В немецком издании ей предшествовало предисловие Хабермаса, увидевшего в Хайдеггере типичного представителя немецкого интеллектуального «особого пути», корни которого, по его мнению, кроются еще в XIX в. (с. 380). Дебаты были продолжены исследованием фрайбургского историка Хуго Отта (с. 1988), уделившего особое внимание периоду хайдеггеровского ректората во Фрайбургском университете (1933 / 1934). Следующей вехой Волин называет критические работы Эммануэля Файе, в анализе ранее не публиковавшихся семинаров Хайдеггера, целенаправленно сфокусировавшего свое внимание на его философской вовлеченности в национал-социализм. Уязвимым моментом его рассуждений Волин считает вывод Файе о том, что все тексты Хайдеггера в принципе не заслуживают более того, чтобы их преподавали на философских факультетах, а должны быть переданы историкам и политологам для изучения, как «документы новейшей истории» (с. 381). Именно этот радикальный вывод вызвал такие же радикальные ответы почитателей Хайдеггера и заострил дебаты почти до уровня гротеска.

Принципиально новый этап дебатов начался лишь с публикацией «Черных тетрадей» в 2014 г., которыми Волин и занимается в следующей части своей статьи. Сначала он описывает известную историю этих философских дневников, их структуру и содержание. По его мнению, хранители наследия философа, его родные и друзья, скрывали их от исследователей потому, что эти тексты в полной мере разоблачают вовлеченность философской

мысли Хайдеггера в дух его эпохи. «Черные тетради», по мнению Волина, – это своего рода «сокрытое учение Хайдеггера», «та совокупность эзотерических истин, которые он сокрыл в одиночестве своей легендарной хижины в Шварцвальде, не делая их достоянием общественности, чтобы не стать непонятым» (с. 383). Волин указывает, что верифицировать это учение невозможно, например такие аспекты, как «онтически-онтологическая дифференция, т.е. различие между Бытием и бытийствующими, мы должны принимать на веру» (с. 384). Так что «многие ключевые рассуждения Хайдеггера о человечестве, судьбах или истории бытия избегают интерсубъективно верифицируемых суждений в пользу спекуляций о силах и богах неизвестной природы» (с. 385). На этом вопросе Волин останавливается критически. История философии, пишет он, для Хайдеггера была «историей распада», ее концепции и понятия – дисфункциональны, и поэтому он не желал оперировать ими, создавая свой понятийный аппарат, который, как полагает Волин, во многих аспектах «лежит ниже смыслового порога» (там же). В качестве подтверждения он приводит цитату философа: «Что такое бытие? Оно есть. Оно само. Познать и произнести его – задача будущего мышления» (там же). Но как мы поймем его в его манифестациях, если оно дефинируемо лишь из себя, спрашивает Волин, упрекая философа в обскурантизме. В дискуссиях о методе Хайдеггера на первый план всегда выступает эпистемологический вопрос о нормативном базисе его философских, этических и политических суждений, которыми, как «антифилософский трактат» (там же), полны «Черные тетради». Нормы современного либерализма Хайдеггер видит в ракурсе «бытийной покинутости», т.е. полной и абсолютной покинутости современного человечества Бытием. Он обращается к досократикам, предлагая измерять современность их мышлением, однако это не проясняет, а скорее затрудняет понимание его философии, полагает Волин.

Из «Черных тетрадей» видно, утверждает он, что онтологическое значение национал-социализма Хайдеггер предполагал в «полном перевороте всего немецкого здесь-бытия» (Dasein) (с. 386), после чего немцы смогут сориентировать весь Запад на онтологическую полноту «греческого начала» (подразумевается древнегреческое). Даже в разгар Второй мировой войны, возмущается Волин, Хайдеггер продолжает считать немцев единственным «народом истории» после древних греков, полагая, что именно они

«способны спасти Запад в его истории», если им удастся «найти и сохранить» свое «немецкое» (с. 386). Анализируя записки периода ректората, автор утверждает, что сходство между национал-социализмом и своей «фундаментальной онтологией» с ее «укорененностью в Бытии» Хайдеггер видел в обращении национал-социалистов к «оседлости» и к «укорененности». «В этом отношении не было бы ошибкой утверждать, что Хайдеггер философски фаворизировал то, что национал-социалисты пытались продвинуть политически» (с. 387), – так завершает Волин подход к главной теме своей статьи – про Хайдеггера и евреев, – и именно этим своим тезисом он и руководствуется в дальнейших рассуждениях. Поскольку Хайдеггера привлекли к национал-социалистам именно «ценности онтологической укорененности» (там же), постольку же, считает автор, он и невзлюбил евреев, «космополитов», «паразитирующих среди других наций» (там же) и «лишенных того, что Хайдеггер ценил более всего», – той укорененности в Бытии, которая формирует оседлые народы. Волин (вне исторического контекста) цитирует широко известный пассаж из письма Хайдеггера своей жене от 1916 г. про «ожидание нашей культуры и университетов», приводит выдержки из его семинара 1934 г., где утверждается, что лишённые корней семитские народы не способны оценить экзистенциальные преимущества немецкого пространства и т.д. (с. 387–388). Еще Хайдеггер не любил евреев, полагая их «поставщиками философского рационализма» (с. 388), который он тоже не любил. Он не любил их также и за то, что они, «как считалось в немецких антисемитских кругах», являлись носителями «разлагающего духа модерна, ассоциируемого с эксцессивной интеллектуальностью» (там же).

Впрочем, оговаривается Волин, антисемитизм – это давняя немецкая традиция, присущая не маргиналам, а консервативным немецким культурным кругам. Он ссылается на работу историка Генриха Трейчке от 1880 г. «Евреи – наше несчастье», на Вернера Зомбарта, тремя десятилетиями позже в «псевдонаучных рассуждениях» постулировавшего «любовь евреев к торговле и расчетам», на Макса Вебера, в 1904 г. в работе «Протестантская этика и дух капитализма» назвавшего евреев «острием копья современного капитализма» (с. 389) и наконец – на Освальда Шпенглера, которого Хайдеггер, по мнению Волина, высоко ценил и который в качестве признаков «заката Европы» указывал на смешение рас,

утерю корней, а также чувства общности и веры. В Германии между двумя мировыми войнами «критика цивилизации шла рука об руку с критикой разума» (в первую очередь кантианства), полагает Волин, указывая на симпатию Хайдеггера к подобному подходу. «Не секрет, что целью критики разума нередко были евреи», поясняет он, указывая на критику Хайдеггером «калькуля» и «расчетливости» в «Черных тетрадах» (с. 390). Одним из главных объектов критики экзистенциальной философии Хайдеггера было широко распространенное в кайзеровском рейхе неокантианство, главным представителем которого был Германн Коэн. Эту философию Хайдеггер считал «бесплодным и бескровным интеллектуализмом» (с. 391). Полемизируя с теми «защитниками Хайдеггера», которые полагают, что «ядовитый антисемитизм, пронизывающий Черные тетради» – это лишь «позднее явление», «достойный сожаления ляп», Волин стремится доказать, что формирование Хайдеггера как философа происходило в рамках антицивилизационной и антисемитской традиции: «Если эпоха модерна обречена на катастрофу и если, с немецкой точки зрения, виноват в этом западный рационализм, то вполне логично, что за всем этим крушением стоят евреи» (там же).

В следующем разделе «Экзистенциальная философия как защита немецкого пути» Волин указывает, что «демонизация мирового еврейства» как виновника «заката Запада» (а хайдеггеровская «бытийная покинутость», по мнению Волина, и есть не что иное, как шпенглеровский «закат», переведенный на язык фундаментальной онтологии) одновременно предполагает восхваление немецкого партикуляризма, особого немецкого пути. Со времен статьи Рихарда Вагнера «Еврейство в музыке» в «реакционной немецкой критике культуры» предполагалось, что евреи, даже если хотят, не могут в силу своей расовой природы присвоить немецкие ценности (с. 393). Тезис Волина: «Критика разума, интеллектуальности, торговли и финансов, политического либерализма и космополитизма неизбежно влечет за собой идеологическое отрицание еврейства и его якобы гипертрофированного влияния на социокультурную жизнь Европы» (там же). Поэтому уже на основании «консервативно-революционной лексики» Хайдеггера 20-х годов можно сделать вывод о его антисемитизме. В 20-е годы критерием «аутентичной историчности» он считает «верность народу», «принадлежность к своему поколению», «лояльность к историческому

сообществу», «способность выбирать своих героев и слышать зов судьбы». Верность этим ценностям исключает их либеральных антагонистов – индивидуализм, разум и этический универсализм.

Разочарование Хайдеггера в реальном национал-социализме, неоднократно выражаемое им в «Черных тетрадах», это, считает Волин, разочарование в компромиссах и половинчатости мер, проводившихся режимом, по сравнению с тем идеальным национал-социализмом, который открыл бы немцам доступ к Бытию. Фрайбургский ректорат Хайдеггера Волин интерпретирует как попытку реализовать этот идеальный национал-социализм в рамках одного университета, приведя либеральную гумбольдтианскую систему в созвучие с ценностями «оседлости», «укорененности» и «греческого начала» (с. 394).

Эти и другие примеры, полагает Волин, обрекают попытки защитников Хайдеггера отделить его философию от его политических взглядов на неудачу, поскольку хайдеггеровское мышление было еще до его вступления в НСДАП «насыщено протофашистскими идеологическими элементами и темами» и «во многих местах едва ли отличимо от антидемократической, протофашистской перспективы таких мыслителей, как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер» и др. (с. 395). Оно было лишь замаскировано его фундаментальной онтологией, считает Волин. Поэтому в следующем разделе «Фундаментальная онтология как критика времени» он останавливается на ней подробнее. Повсюду в «Черных тетрадах» встречаются описания историко-онтологической дегенерации, которое он описывает словом «машинерия» (*Machenschaft*). Истоки этого понятия он видит в греческих представлениях о «*poesis*» и «*techne*». Критика машинерии соединяется с критикой «геополитических противников» немцев – России и США, находящихся полностью в ее власти и, следовательно, покинутых Бытием. Хайдеггер практически ничего не знал о различиях между сталинистской Россией и рузвельтовской Америкой 30-х годов, говорит Волин, но если бы и знал, они бы были ему не важны, поскольку для него «и Америка, и Советский Союз, и Англия как олицетворения машинерии являются формами выражения мирового еврейства» (с. 398).

В связи с этим Волин переходит к еще одной знаменитой цитате из «Черных тетрадей»: «Евреи с их расчетливостью дольше всех живут по расовому принципу и поэтому особенно противятся

его повсеместному применению» (цит. по: Хайдеггер, с. 399). Поэтому, полагает Волин, он оправдывал расовое преследование евреев национал-социалистами и считал его своего рода самозащитой. В качестве «дальнейших доказательств маниакальной веры Хайдеггера во всемирный еврейский заговор» (там же) Волин приводит воспоминания его современников и студентов, в частности Карла Ясперса, вспоминая в своей автобиографии о разговоре с Хайдеггером, в котором тот упомянул «опасные всемирные связи еврейства», Гюнтера Андерса и др.

По мнению Волина, философский язык «Черных тетрадей» буквально «напитан национал-социалистической риторикой» (с. 401). В 30-е годы, когда национал-социализм порождает все новые политические кризисы в Европе, «идеологический жар Хайдеггера», критикующего противников Германии, возрастает, причем в то же время, как считает Волин, он склонен оправдывать национал-социалистические практики агрессии и геноцида. Например, угнетение вермахтом славянских народов он оправдывает тем, что Англия и Франция, победы они, поступили бы с Германией так же и даже еще хуже, распространив в ней свою «безисторичность» (с. 402). Особое место уделяет Волин критике Хайдеггером «американизма», в котором, по мнению Хайдеггера, «нигилизм достигает своей высшей степени». Эта критика, утверждает Волин, базируется на незнании, недоразумениях и обобщениях (с. 403).

Цивилизационная критика, манифестирующаяся в «Черных тетрадях», неотделима от расового антисемитизма, являющегося, по мнению Волина, ее центральной идеей. Для многих эта четкая приверженность антисемитизму была неожиданностью, пишет он, ибо видимо не согласуется с кажущимися философскими глубинами хайдеггеровской философии. Даже Ханна Арендт, полагавшая, что антисемитизм не согласуем с высшими достижениями немецкого духа, ошибалась, уверяет Волин и предлагает пересмотреть этот «немецкий дух» в свете нынешних открытий. Хайдеггер даже пассивно не сопротивлялся гитлеризму, не удалился во «внутреннюю иммиграцию», он вступил в партию, взносы в которую он уплачивал до конца ее существования, а будучи ректором, не защищал еврейских коллег на факультете от дискриминации и «не испытывал уколов совести, став известнейшим интеллектуальным голосом режима» (с. 404). Ни в лекциях, ни в письмах, ни в дневниковых записях он не дистанцировался от та-

ких событий, как бойкот еврейской торговли, «кристальная ночь» (еврейские погромы), дискриминационные «Нюрнбергские законы» 1935 г. или же депортации евреев в начале 40-х. «Он не покался в своей приверженности режиму даже после войны, несмотря на просьбы многих своих учеников, – обвиняет Волин, – утверждая, что поведение победителей в Германии не менее ужасно, чем преступления нацистского режима» (с. 405). Даже если Хайдеггер, как и многие другие в Германии, не имел подробной информации о депортациях, он не мог игнорировать вопрос, куда девались 500 тыс. немецких евреев (с. 406). «Черные тетради», по мнению Волина, показывают, с каким энтузиазмом Хайдеггер поддерживал режим, «альфа и омега которого было уничтожение евреев», как высоко он ценил фюрера, а также подтверждают тот факт, что эта поддержка была не его личным политическим пристрастием, а вытекала непосредственно из его «философии Бытия». В его фундаментальной онтологии, центром которой были «оседлость» и «укорененность», не было места для евреев, он называл их «неукорененными в мире». Этим же понятием он обозначал Здесь-Бытие зверей или вещей.

Хайдеггеру полностью чужд кантианский подход к миру, способность к коммуникации, к диалогу. Он полагал, что поскольку он, как философ, открыт непосредственно для «посланий Бытия», он не нуждается в интересубъективной коммуникации.

Публикация «Черных тетрадей» (на момент написания статьи Волина вышел 97-й том, охватывающий записи с 1942 до 1948 г.) поставила, таким образом, под вопрос статус Хайдеггера как великого мыслителя XX в. Гюнтер Фигал, глава кафедры Хайдеггера в университете Фрайбурга и президент Международного общества Хайдеггера, подал в отставку, поскольку не мог более отождествлять себя с его философией. Петер Травни, философ из Вупперталя и издатель «Черных тетрадей», в одном из последних интервью также жаловался на отказ ярых последователей Хайдеггера признать, что антисемитизм их учителя носил философский характер. Особое внимание, считает Волин, привлекает тезис Хайдеггера о том, что уничтожение евреев гитлеризмом было их «актом самоуничтожения» (так интерпретирует Волин слова Хайдеггера: «Когда сущностно “еврейское” в метафизическом смысле борется против еврейского, высший пункт самоуничтожения в истории достигнут» (цит. по: с. 408)). Тем самым он пытается снять с

немцев как моральную, так и юридическую вину, считает Волин. Так же возмутительна и попытка приравнять меры союзников в побежденной Германии к преступлениям Третьего рейха, считает он, указывая, что это мнение Хайдеггера насквозь субъективно и является следствием его обиды за лишение его права на преподавание на пять лет. Может ли философ, примиряющийся с «ложью о Холокосте» в той мере, в которой он считает массовое убийство евреев их актом самоуничтожения, считаться величайшим мыслителем XX в.? – спрашивает Волин в конце статьи.

Философским следствием «Черных тетрадей» он считает нивелирование хайдеггеровской критики техники, поскольку «Черные тетради» показывают, насколько она завязана на реалии межвоенного времени. Она может быть лишь документом истории, показывающим, насколько дискредитировала себя Веймарская республика в глазах образованных немецких буржуа. Научная значимость полного собрания трудов Хайдеггера также серьезно поставлена под вопрос, тем более, как утверждает Волин, что стали известны случаи «подчистки» особенно неприятных его антисемитских пассажей его наследниками и издателями. Аутентичность «Черных тетрадей» также проблематична, поскольку они много раз дополнялись и изменялись самим Хайдеггером. Поэтому, завершает Волин, следовало бы собрать независимую комиссию для проверки этого издания.

С. Погорельская